

Alexander Letuchiy

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ИРРЕАЛИС И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

В настоящей статье мы рассмотрим один из возможных источников конструкций и показателей с эвиденциальной семантикой. Это конструкции сравнения ситуаций: в русском языке в них используются показатели *как будто*, *будто*, *словно*, *как бы*, *как будто бы*, *будто бы*. Нашей целью будет выявить связь между ирреалисом и сравнением ситуаций, привести данные русского языка и типологические параллели¹: с этой целью будут рассмотрены данные адыгейского, арабского, английского, болгарского, немецкого и французского языков.

In my article I will analyze Russian constructions marking comparison of situations, marked with *budto*, *kak budto*, *budto by*, *slavno by*, *kak by* etc. I will show that this type of comparison differs from comparison of objects not only by its formal properties, but also by connection with irrealis. Relations between them will be explained in the article in detail.

Keeping in mind close relations between comparative constructions and irrealis, it is not surprising that comparison constructions also tend to have secondary uses of another group, which is closely related to irrealis, namely, evidentiality. What is crucially important, not all evidential meanings cannot be added to all comparative markers, dependent on the context: comparative markers often have strict evidential characteristics, e.g. the quotation meaning for *budto by*, the meaning of inferentive and a sort of admirative for *kak budto*. We will try to show that type of secondary uses correlate with the basic use of the marker, namely, with the type of comparison.

We will also examine another use, which is rather connected with syntactic and not semantic properties of comparative markers: they can be used as “evidential conjunctions” with verbs like *snit'sja* ‘dream’, *kazat'sja* ‘seem’, *predstavliat'sja* ‘seem’ and so on (interestingly enough, such conjunctions bear two functions in the same sentence: they build polypredicative constructions and

---

¹ В нашей работе не ставится вопрос о диахронической первичности сравнительного или ирреального употреблений – недостаток данных не позволяет с уверенностью выделить исходное употребление для всех показателей.

mark evidential status of the embedded clause.

On the other hand, we will analyze, how choose of the comparative or modal/evidential use correlates with the formal structure of a particular marker. For instance, interestingly enough, addition of the particle *by*, marking irrealis, makes the modal use more likely than the comparative one.

Finally, in the last part typological parallels of Russian constructions are examined: it turns out that neither modal nor evidential uses are not unique for Russian comparative constructions: similar phenomena occur not only in other Slavic languages, but also in structurally and genetically different languages, such as Adyghe.

Сравнительные конструкции и ирреальность

Впервые эвиденциальные значения русских лексических показателей типа *кажется* были рассмотрены в работе [Булыгина, Шмелёв 1993]. Авторы отмечают, что в определённых контекстах употребление показателей неуверенности, пересказа чужого мнения обязательно, что роднит русский язык с языками, обладающими развитой системой грамматических маркеров эвиденциальности.

С другой стороны, обычно меньше внимания уделяется исходным пунктам эволюции эвиденциальных показателей. Мы хотим провести исследование именно в этом направлении: показать, в каких направлениях могут эволюционировать показатели сравнения и почему это происходит. В работе [Летучий, в печати, 12-13] показано наличие связи между сравнением ситуаций и ирреализмом. Однако здесь мы рассмотрим её более подробно.

Прежде всего, напомним, что модальные значения вообще и эвиденциальность в частности характеризуются одним общим семантическим компонентом: ситуация не полностью реальна: она либо существует в некотором воображаемом мире, либо, по меньшей мере, говорящий не полностью уверен в её существовании.

О сравнении ситуаций мы говорим в случаях, когда сопоставляются именно ситуации в целом, а не их актанты или отдельные семантические признаки. Например, в предложениях типа *Мой приятель плавал, как рыба* сопоставляются приятель и рыба по способу плавания (а именно, по его хорошему качеству). Если бы целью было сопоставить плавание приятеля и плавание рыбы как целые ситуации, предложение скорее бы выглядело примерно как *В озере плавал мой приятель, как будто там плавала рыба*.

При этом синтаксически разграничить сравнение предметов и ситуаций нельзя. Даже конструкция, соединяющая два финитных предложения, может на деле сопоставлять два предмета: ср., например, *Он бежал из страны, как крысы бегут с тонущего корабля*, где сравнение может соотносить ситуации ('из страны бегут и субъект, и крысы'), а может – их

признаки ('и субъект, и крысы бежали одинаковым образом').

Несмотря на то, что обычно сравнительными называются полипредикативные конструкции, мы расширим это понятие до предложений типа *Он как будто нас не видел (но на самом деле всё замечал)* и *Он как бы не заметил гаишника (хотя, конечно, его видел)*. Основанием является то, что реальная ситуация и в этих конструкциях сопоставляется с некоторой эталонной – только название реальной ситуации опускается: в действительности их значение можно представить как 'он вёл себя так, как будто нас не видел'.

Казалось бы, сравнение не оперирует категориями реальности/ирреальности: сравниваемые объекты сопоставляются между собой, а не с эталоном реальности. Однако в действительности такая связь есть.

Рассмотрим следующие предложения:

(1) *Она засмеялась, как будто прозвенел колокольчик.*

(2) *Вася не изменился в лице, как бы ничего не замечая.*

Сравним их с предложением с союзом *как*:

(3) *Вася молчал, как рыба.*

В предложении (3) об ирреальности говорить не приходится: речь идёт о сходстве поведения двух субъектов: Васи и рыбы – при этом, естественно, имеется в виду, что и Вася, и рыба (точнее, класс рыб) существуют, и их поведение в некоторых аспектах сходно.

Не так обстоит дело в предложениях (1) и (2), где сравниваются уже не предметы, а ситуации в целом. Само употребление, соответственно, *как будто* и *как бы* (а не, скажем, *потому что*) свидетельствует о том, что ситуации 'прозвенел колокольчик' и 'Вася ничего не заметил', по мнению говорящего, не имели места.

Как показано в работе [Летучий, в печати, 12-13], это различие связано с фундаментальным различием ситуаций и предметов. **Предметы** мыслятся как существующие одновременно, причём в соответствии со своими характеристиками они могут разбиваться на классы (например, класс предметов в (3) включает Васю и рыбу). **Ситуации** же прототипически не находятся одновременно в фокусе внимания говорящего: предложение описывает ровно одну реальную ситуацию. Это, естественно, не значит, что ситуация 'прозвенел колокольчик' вообще не может существовать в реальности. Однако при описании ситуации смеха для нас нерелевантна возможность ситуации звона колокольчика в мире как таковом – важно только, что она не имела место в этот момент.

Заметим, что и сама обсуждаемая в данном сборнике категория ирреалиса фиксируется на ситуациях, а не на предметах: в языках мира существуют способы маркирования ирреальных ситуаций, но ирреальные

предметы никак не маркируются².

Теоретически можно представить себе конструкцию сравнения ситуаций, аналогичную (1), но не предполагающую ирреальность: она бы означала нечто вроде 'он засмеялся, и его смех был похож на ситуацию звона колокольчика, существующую в реальном мире'. На практике, однако, этих ситуаций мы не находим. Вероятно, это связано с тем, что не существующие в фокусе внимания ситуации для нас нерелевантны.

По формальным свойствам конструкции сравнения ситуации (в дальнейшем КСС) также весьма напоминают ирреальные конструкции. В частности, они практически не допускают отрицание:

(4) ??? *Он не как бы умер, а как бы заболел.*

(5) ??? *Она засмеялась, не как будто зазвенел колокольчик, а как будто зазвенела посуда.*

Запрет здесь обусловлен невозможностью отрицания, накладывающегося «поверх» ирреального значения. Ср., например, эвиденциальные употребления болгарских л-форм [Levin-Steinmann 2004, 50]:

(6) а. *Иван заминал 'Иван, похоже, уехал'.*

Отрицание (6а) *Иван не заминал* может иметь только значение 'Иван, похоже, не уехал': в этом случае сфера действия отрицания уже, чем у эвиденциального оператора. Прочтение 'Не похоже, что Иван уехал', при котором, напротив, отрицание накладывается на эвиденциальный оператор, невозможно.

Аналогичным образом, конструкции сравнения ситуаций плохо сочетаются со временными маркерами. Ср., например, конструкции сопоставления предметов:

(7) *Он орал, как наш прапорщик вчера на плацу.*

Похожая конструкция с *как будто* недопустима:

(8) ? *Он злился, как будто ему вчера наступили на большую мозоль.*

Предложение допустимо, только если *вчера* понимается относительно.

Тем самым, конструкции с *как будто* во многом похожи на канонические эвиденциальные конструкции.

Заметим, что от канонических сравнительных конструкций конструкции с *как будто* отличаются ещё и тем, что собственно ситуации в двух частях предложения могут не сравниваться; ср., например:

(9) *Что ты орёшь, как будто сломал ногу?*

---

² Например, ни в одном известном нам языке не существует способа маркирования предмета, не существующего в действительности, а привлекаемого в качестве эталона сравнения: примером такой гипотетической конструкции могло бы быть построение типа *Он плавал, как будто рыба-бы*, которой на самом деле нет ни в русском, ни в каком-либо другом языке.

Ясно, что ситуация ‘орать’ и ситуация ‘сломать ногу’ не могут быть похожи между собой: они вообще не принадлежат к одному классу. Речь идёт просто о том, что одна из ситуаций является проявлением другой: ситуация ‘орать’ – проявление ситуации ‘сломать ногу’.

Тем самым, формально идентичными средствами выражаются два типа конструкций – (1) собственно сравнительные, где *A, как будто B* = ‘ситуация A (по каким-то свойствам) похожа на ситуацию B’ и (2) так сказать, сопоставительные, где *A, как будто B* = ‘ситуация A (по каким-то свойствам) похожа на ситуации, являющиеся следствиями или проявлениями B’.

Это ещё больше сближает сравнительные конструкции с семантикой ирреальности: в конструкциях типа (2) наблюдается как бы двойная ирреальность: реальная ситуация сближается с некоторым эталоном, который, в свою очередь, сближается с ещё одной ситуацией, существование которой говорящий может только предполагать.

Типы сравнения

Для рассмотрения переносных употреблений нам понадобится классифицировать собственно сравнительные употребления – внутри класса сравнения ситуаций выделяются два подтипа: «внешнее» и «внутреннее» сравнение (эти классы рассмотрены в [Летучий, в печати] на примере показателей *как бы* и *как будто*).

Показатель *как будто* выражает сопоставление ситуаций по внешним признакам, которое осуществляет некоторый наблюдатель: например, *Он нас как будто не заметил* означает, что внешние свойства поведения субъекта похожи на поведение человека, не замечающего собеседника.

Напротив, *как бы* фиксирует сходство некоторых внутренних, глубинных свойств ситуаций: к примеру, *Он нас как бы не заметил* означает, что субъект не желал показывать, что заметил говорящего – то есть сходны не только внешние, но и внутренние, функциональные свойства ситуаций. Акцента на внешних свойствах, оцениваемых наблюдателем, в данном случае нет.

Ниже мы покажем, что свойства сравнения, выражаемого показателями, зачастую сказываются и на его ирреальных и эвиденциальных употреблениях.

Роль показателя *бы*

Нетрудно заметить, что многие сравнительные показатели – *словно (бы), будто (бы), как будто (бы)* – имеют варианты с показателем *бы* и без него. Казалось бы, эти варианты практически синонимичны. Однако данные корпуса, как мы покажем ниже, корректируют это предположение.

Остановимся кратко на значениях показателя *бы*. По сути, это обобщённый показатель ирреальности ситуации: в частности, *бы*-формы

используются в значении императива (10) и в обеих частях контрафактической условной конструкции (11):

(10) *Сходил бы ты в магазин!*

(11) *Если бы я это знал, я бы вёл себя по-другому.*

Употребляясь со сравнительными показателями, *бы*, так сказать, снижает их сравнительность: таблица показывает, что доля сравнительных употреблений в этом случае снижается:

Табл. 1. Количество сравнительных употреблений в сравнении со всеми остальными.

без <i>бы</i>	сравнение	употреблений	с <i>бы</i>	сравнение	употреблений
<i>как будто</i>	330	ок. 7000	<i>как будто бы</i>	16	ок. 1000
<i>будто</i>	380	ок. 7000	<i>будто бы</i>	19	ок. 1000
<i>словно</i>			<i>словно бы</i>		

Данный факт напрямую связан с другими значениями *бы*: сравнительное употребление *как бы* является «менее ирреальным», чем другие, типа:

(12) *Всё как будто бы хорошо.*

Выше мы уже говорили о связи сравнительных конструкций с ирреальностью. Однако вторая часть сравнительной конструкции типа (1) тем не менее прочно связана с реальностью. Связующим звеном является сходство между ирреальной и реальной ситуациями.

Напротив, в случаях типа (12) дополнительных аргументов в пользу реальности ситуации нет: единственным аргументом в данном случае является логика говорящего. Именно поэтому употребляется *бы*, обозначающий более сильную степень ирреальности. Ниже мы будем говорить об употреблении такого типа, когда конструкция не является сравнительной, поскольку не имеет второй, «реальной» части. Можно считать, что основная функция сравнения – сопоставить ситуации между собой, а не показать ирреальность одной из ситуаций. Напротив, функция модальных показателей – показать неполную реальность ситуации.

Противопоставление рядов с *бы* и без *бы* позволяет выстроить своеобразную шкалу реальности. Она похожа на шкалу, рассматриваемую для условных конструкций:

реальное условие > гипотетическое условие > контрафактическое условие

От реального условия к контрафактическому степень ирреальности

возрастает.

Ирреальность объединяет очень широкий круг значений³. Широкий подход позволяет выделить общий компонент в значении самых разных глагольных форм и конструкций. Однако его недостатком является недостаточная структурированность значений внутри ирреального кластера. Русская ситуация, позволяющая классифицировать значения по степени ирреальности на формальных основаниях, весьма полезна в этом аспекте: иерархия ирреальности может быть расширена на другие языки и проверена типологическими данными.

Тем самым, между собственно сравнительными и другими употреблениями показателей нет полной симметрии: один из рядов склонен к сравнительному употреблению, другой – напротив, к модальному.

Отметим, что ранее система показателей была несколько более стройной. Во-первых, существовал недостающий показатель *как словно (бы)*, во-вторых, показатель *как бы*, как и все остальные, употреблялся в полипредикации: последние употребления засвидетельствованы в первой половине 20 века. Тем самым, рассмотрение *как бы* в ряду сравнительных показателей имеет и диахронические основания.

Типы ирреальных значений

В своём анализе мы будем основываться на следующем инвентаре ирреальных значений:

- ❖ цитатив/пересказ: говорящий цитирует слова некоторого другого лица (цитатив), либо, не обозначая конкретное лицо, маркирует «чужую принадлежность» информации.

Как видно, цитатив и пересказ очень близки между собой, однако мы покажем, что в ряде случаев их полезно различать.

- ❖ имперцептив (косвенная засвидетельствованность, заглазность): говорящий не видел ситуацию, но наблюдал некоторые следствия из неё, показывающие, что она имела место.

Среди имперцептивных значений, в частности, выделяют аудитив, подразумевающий, что говорящий слышал звуки, которые сопровождали ситуацию. Нам, однако, такое мелкое деление не понадобится.

- ❖ конклюдив: говорящий сделал вывод, что ситуация имела место, путём логического анализа.
- ❖ адмиратив: говорящий удивлён возникновением ситуации. Не будучи собственно эвиденциальным значением, адмиратив, как показано в работе [Храковский 2004] и др., весьма близок к

---

³ См. [Урманчиева 2004], [Вубее 1998], где к ирреальным причисляются такие разнородные значения, как негативная полярность, разного рода модальность, эвиденциальность, отчасти аспектуальные значения).

эвиденциалису.

Как доказывается в [Wiemer 2005], лексические показатели эвиденциальности часто имеют несколько из данных значений – тем самым, на материале отдельных языков их разграничение сталкивается с определёнными проблемами.

Ниже в таблице мы указываем сравнительные и другие употребления каждой из рассматриваемых конструкций. Для употребления в значении сентенциального актанта указываются глаголы, с которыми в Национальном корпусе русского языка и поисковой системе Google засвидетельствовано употребление данного показателя.

В колонках «сравнение» и «сентенциальный актант» более тёмный цвет обозначает, что данное употребление более характерно для данного показателя. Если колонка не закрашена, употребление вообще нехарактерно для данного показателя. В четвёртой колонке данной таблицы приводятся только основные эвиденциальные функции каждого показателя. В таком виде они кажутся довольно разнородными, но ниже мы поясним каждую из этих функций сравнительных показателей. Также мы покажем, что такая, казалось бы, чисто модальная функция, как выражение неуверенности говорящего в своих словах, также тесно связана с эвиденциальными значениями.

Табл. 2. Сравнительные, «актантные» и эвиденциальные употребления показателей сравнения ситуаций.

Показатель	Сравнение	Сентенциальный актант	Эвиденциалис
<i>как будто</i>		казаться, сниться	конклюдив, имперцептив, адмиратив
<i>как будто бы</i>			неуверенность
<i>будто</i>		говорить, сниться	
<i>будто бы</i>		говорить	пересказ
<i>словно</i>			имперцептив
<i>словно бы</i>			имперцептив
<i>как бы</i>			неуверенность

Ниже мы подробно проанализируем каждое из производных употреблений.

Цитативное употребление *будто бы*

Показатель сравнения *будто бы* может употребляться в качестве показателя цитатива:

(13) *Перед смертью он будто бы принял ислам.*

(14) *Для семьи он будто бы уехал в командировку.*

Очевидно, что это употребление легко отличить от собственно сравнительного: в (13) речь не идёт о том, что ситуация была похожа на ситуацию принятия ислама какими-либо свойствами. Более того, сама ситуация принятия ислама может служить эталоном для сравнения только при специальных условиях, например:

(15) *Теперь он не работал по пятницам, будто бы принял ислам.*

Даже в предложении (15) предпочтительно употребление показателей *как будто* или *будто* (таблица показывает, что для *будто бы* собственно сравнительное употребление нехарактерно).

Кроме того, семантические следствия из предложений типа (13) и (14) отличают их от собственно сравнительных конструкций. Из употребления сравнительной конструкции тривиальным образом следует, что эталонная ситуация не имеет места: например, для (15) невозможно или крайне неестественно продолжение вида «...и это было правдой, он действительно принял ислам» – более того, аналогичное условие соблюдается и для конструкций сопоставления предметов: крайне странно выглядело бы предложение типа *Он выглядел, как шотландец, потому что и был шотландцем* (во всяком случае, не в контексте языковой игры).

Это условие вряд ли связано с семантикой сравнительных конструкций

– скорее оно обусловлено прагматически: в работе [Грайс 1984] в ряду прагматических правил выделяется максима количества, которая предписывает не говорить меньше информации, чем известно говорящему. Действительно, если говорящий знает, что субъект действительно принял ислам, наиболее естественно дать понять адресату, что ситуация имеет место, а не довольствоваться утверждением, что ситуация **похожа** на эталонную. Труднее объяснить, почему то же правило действует, если говорящий не знает, существует ли ситуация.

Напротив, при цитативном употреблении ситуация вполне может иметь место – хотя это и не обязательно; ср. (14), где уточняющая именная группа *для семьи* свидетельствует об обратном. Говорящий утверждает только, что полной уверенности в существовании ситуации у него нет.

Выше мы говорили, что существует несколько разновидностей цитативного (ренарративного) употребления. В частности, при сопоставлении *будто бы с мол* и *дескать*, рассмотренными в статье В.А. Плунгяна (Плунгян, настоящий сборник), обнаруживаются существенные различия.

Ни *мол*, ни *дескать* не могут употребляться, если говорящий не цитирует конкретный речевой акт, упомянутый в предтексте: предложение:

(16) *Он, мол, перед смертью принял ислам.*

недопустимо в контексте пересказа распространённой версии. Оно может интерпретироваться только как пересказ высказывания конкретного человека⁴. Естественно, теми же свойствами обладают *де* и *дескать*.

Для *будто бы* отсылка к конкретному высказыванию тоже вполне возможна:

(17) *По утверждению самого Руслана Аушева, решение уйти с военной службы он будто бы принял в октябре прошлого года, когда ему исполнилось 45 лет.*

Однако это совсем не обязательно.

Тем самым, *мол*, *де* и *дескать* фиксируют внимание на собственно акте коммуникации, в ходе которого сообщается информация. Отметим, что и употребления типа (17) для них не характерны, поскольку утверждение Аушева пересказывается без упоминания конкретных условий речевого акта. *Будто бы* фиксирует внимание на информации и её источнике, но не на речевом акте в целом.

Это различие может быть связано с различием в источниках показателей. *Мол*, *дескать* и *де* восходят к корням со значением речи: для *мол* это глагол *молвить*, для *дескать* – *сказать*. Наиболее естественно для

---

⁴ Здесь мы не рассматриваем употребления *мол*, вообще не связанные с пересказом чужой речи.

таких показателей употребление в качестве комментария к чужой речи: ср., например, употребление в устной литературной и диалектной речи формы *grit* (*говорит*), маркирующей почти каждую реплику говорящего.

Для *будто* (*бы*) источником является форма с ирреальным значением *будь то*. В литературе (см. [Шведова 1970], [Кузнецова 2005]) неоднократно отмечалось наличие у императива ирреального условного употребления⁵. Тем самым, исходно у *будто бы* нет узкого значения пересказа – речь идёт об обобщённом ирреальном значении. В современном языке *будто бы* так и не грамматикализовалось окончательно в показатель цитатива, употребляющийся строго при реплике говорящего – оно достигло только этапа ренарратива как одного из подтипов ирреалиса. Близкая к *мол* и *дескать* по семантике, по типу употребления эта единица отличается от них.

Другие показатели не способны употребляться в ренарративном значении: предложения типа *Тут как будто что-то изменилось* не могут интерпретироваться как ‘Говорят, что тут что-то изменилось’ – даже показатель *будто* не способен употребляться таким образом. Тем самым, по сравнению с остальными, ренарративное употребление непродуктивно.

В типологии эвиденциалиса противопоставление ренарратива и цитатива разработано плохо. Однако нередка ситуация, когда показатель имеет оба употребления: болгарское пересказывательное наклонение может употребляться вне зависимости от указания на конкретный речевой акт.

Имперцептив/заглазность

Гораздо более распространено употребление показателей в значении заглазности – его имеют показатели *как будто* (*бы*) и *будто* (*бы*). Все они обозначают, что говорящий судит о ситуации по внешним проявлениям или следствиям:

(18) *Входи! – Ты как будто работал, можешь работать дальше.*

(19) *Тут будто бы всё нормально.*

(20) *Ты словно бы что-то скрываешь.*

Ясно, что ренарративное значение дальше отстоит от сравнительного, чем имперцептивное: семантика ренарратива содержит существенный компонент пересказа чужой речи, отличающий её от сравнительного значения. Имперцептивное значение не содержит такого же существенного семантического компонента. Именно поэтому проблема разделения значений даже усиливается.

---

⁵ Значение условия тесно связано с семантикой сравнения: ср. русский показатель *как если бы*, также маркирующий сравнение ситуаций.

Например, предложение (21):

(21) *Он как будто нас не видит*

может иметь два значения, не так уж сильно различные между собой: (i) ‘Ситуация выглядит так, как будто он нас не видит (а на самом деле он нас видит)’ (собственно сравнение); (ii) ‘Ситуация выглядит так, как будто он нас не видит (но говорящий не может утверждать этого точно)’ (имперцептив). Часто выбор можно сделать только по контексту: к примеру, предложение *Он как будто нас не видит, но в действительности очень внимательно за нами наблюдает* очевидным образом имеет сравнительное прочтение: имперцептивное употребление вступало бы в противоречие со знанием говорящего, что ситуация не имеет места.

Ещё один класс случаев, не допускающий неоднозначности – ситуации, не имеющие явных внешних проявлений. Предложение *Он как будто учился в Ленинграде* допускает только имперцептивное прочтение (‘говорящий откуда-то узнал, что субъект учился в Ленинграде’), но не сравнительное, так как ситуация ‘учиться в Ленинграде’ не имеет очевидных проявлений, поддающихся интерпретации. Вероятность сравнительной интерпретации увеличивается со введением участника, состояние которого симптоматично, то есть позволяет выявить наличие той или иной ситуации. Например, (22):

(22) *Вопросов как будто нет.*

в естественной ситуации обозначает имперцептив (и, шире, неуверенность в наличии ситуации), тогда как (23):

(23) *У него как будто нет никаких вопросов*

скорее всего, имеет сравнительную интерпретацию: по виду и поведению участника *похоже*, что ситуация имеет место. Тем самым, связь со внешними проявлениями ситуации характерна именно для сравнительного употребления *как будто*.

Интересно сочетание имперцептивного и сравнительного прочтений с прошедшим временем глагола: поскольку сравнительное употребление требует внешних проявлений, оно сочетается с ним либо при ретроспективной точке отсчёта (например, *Вчера он как будто никого не замечал*), либо при предикатах, результат которых проявляется в момент речи (в предложении *Вы как будто вчера родились* речь идёт о том, что «позднее рождение» сказывается на поступках субъекта в момент речи). Напротив, имперцептивное употребление не имеет таких ограничений: например, грамматично предложение *Я вас вчера как будто видел в клубе* с синхронной точкой отсчёта. Это связано с тем, что в действительности имперцептивное употребление связано с состоянием говорящего, которое позволяет ему анализировать ситуацию: это состояние является результатом ситуации, что роднит это употребление со вторым типом

сравнительного.

Имперцептивные употребления различаются по степени уверенности говорящего в ситуации: *как будто (бы)* выражает сильную степень уверенности. С другой стороны, для *словно бы* характерна меньшая уверенность – вывод, который говорящий делает по внешним признакам, часто неожидан для него. Именно поэтому говорящий сомневается в его правильности. Например, предложение (24) более естественно, чем (25):

(24) *Не знаю, что произошло, но он словно бы стал взрослее.*

(25) *Ты словно бы работал, я тебе помешал.*

В (24) говорящий считает, что имеет место необъяснимая и не слишком часто возникающая ситуация. В (25) ситуация вполне естественна, и нет причин сомневаться в её существовании – именно поэтому естественнее употребить *как будто*.

Вероятно, *словно бы* тяготеет к собственно сравнительным употреблениям, и след сравнительного значения остаётся и при ирреализе. Как мы видели выше, сравнение ситуаций предполагает отсутствие эталонной ситуации. При *словно бы* описываемая ситуация, по крайней мере, вызывает большие сомнения.

Будто и *словно* вообще не употребляются в такого рода конструкциях, хотя допускают конструкцию с невыраженной реальной ситуацией:

(26) *#Ты будто работал.*

(27) *#Он словно в чём-то изменился.*

Предложения (26) и (27) можно понять только как собственно сравнительные.

Тем самым, сравнительное и имперцептивное употребления не противопоставлены бинарно, а представляют собой шкалу: при удалении от сравнительного конца реальность эталонной ситуации возрастает.

Ирреальный адмиратив

Как правило, под адмиративом подразумеваются примеры типа:

(28) *Иван заминал! ‘А Иван-то, оказывается, уехал!’*

Ситуация удивляет говорящего, но в её реальности нет оснований сомневаться.

Однако мы будем рассматривать особый вид адмиратива, предполагающий, помимо адмиративности, ирреальность ситуации (мы называем это значение ирреальным адмиративом, ИА):

(29) *– Что с ним случилось? – Как будто ты не знаешь!*

Говорящий, несомненно, удивлен, что адресат притворяется, что не знает характеристик ситуации – и связано это с недоверием к адресату: в действительности тот обязан знать ответ на свой вопрос.

Именно для ИА проследить связь со сравнительным значением проще

всего: при сравнительном значении ассерцией является сходство ситуации с эталонной. При адмиративе акцент переносится на различие между этими, внешне похожими, ситуациями.

Заметим, что ирреальный адмиратив связан с идеей внешнего сравнения: сходство ситуаций только кажущееся, более глубокое проникновение в их свойства обнаруживает разницу. По сути, различие заключается только в синтаксических свойствах: в адмиративной конструкции показатель *как будто*, а также *будто*, занимает начальную позицию – это правило нарушается, только если предложение начинается с другого союза:

(30) *А ты будто бы не знаешь!*

В отличие от большинства других модально-эвиденциальных употреблений, для адмиратива *бы*-формы менее характерны, чем немаркированные: по крайней мере, это проявляется для пары *как будто/как будто бы*, где второе несколько менее характерно. Это полностью соответствует семантическому различию: при адмиративе (как и при сравнении и не так, как при прочих значениях) существование ситуации отрицается говорящим.

Заметим, что здесь имеется некоторое противоречие: казалось бы, ситуация при адмиративе и сравнении **менее** реальна, чем при эвиденциальных употреблении – а выше мы говорили, что она, напротив, **более** реальна, поскольку имеет четко выраженную привязку в реальности – реальную ситуацию. Вероятно, это противоречие связано с тем, что ирреальность допускает два понимания: отдельно (в этом случае менее реальны эталонные ситуации при сравнительных употреблении) или в совокупности с общим планом повествования (тогда менее реальны ситуации в эвиденциальных и модальных употреблении: они принадлежат к общему ирреальному плану). *Бы* в составе показателей маркирует как раз второй тип ирреальности.

Итак, мы рассмотрели собственно эвиденциальные употреблении, характерные для показателей *как будто (бы)*, *будто (бы)* и отчасти *словно (бы)*. За рамками анализа остался ещё один показатель – *как бы*. Его употреблении относятся скорее к общей сфере модальности, чем собственно к эвиденциалису, но тоже заслуживают рассмотрения в этой связи.

В работе [Kastler 2004] употребление этого показателя трактуется, прежде всего, в дискурсивной перспективе: как нежелание говорящего брать на себя ответственность. Однако они допускают и другое осмысление.

Присвоение номинации

Как правило, эвиденциалис подразумевает, что говорящий не знает о

ситуации из своего личного опыта – либо он лично наблюдает её результаты, либо узнаёт о ситуации в целом из других источников.

Однако возможна и обратная ситуация: говорящий может самостоятельно выносить некоторое суждение, тогда как **нормальной** является отсылка к опыту других людей. Это значение можно назвать присвоением номинации, ср., например:

(31) *Этот художник стал для них как бы духовным вождем.*

Номинация *духовный вождь* по отношению к этому художнику не общепринята – говорящий вводит её самостоятельно и маркирует это, употребляя *как бы*. С эвиденциализмом ситуацию роднит «недостаточность данных», однако здесь она обратна ренарративу и имперцептиву.

Опроверяемое утверждение

В ещё одном употреблении *как бы* маркирует утверждение, опровергаемое сказанным далее:

(32) *Да я как бы не возражаю, ты объясни, зачем это нужно.*

В действительности (32), конечно, свидетельствует о том, что некоторая черта ситуации (неясность предназначения предмета или действия) вызывает возражение говорящего.

В отличие от показателей ряда *как будто*, *как бы* не предполагает неполную уверенность говорящего в ситуации. Ситуация имеет место, но лишена некоторых существенных черт. При *как будто* внутренняя структура ситуации не затрагивается, показатель воздействует на её восприятие извне: при ренарративе **ситуация как целое** подвергается сомнению из-за недостаточности информации. Кажется бы, первое употребление *как бы* связано с восприятием ситуации – но в действительности речь идёт и о том, что ситуация по некоторым причинам не подпадает под определение класса.

Заметим, что это различие между типами модальности полностью изоморфно различию между типами сравнения: *как бы* маркирует сходство ситуации с эталоном по внутренним признакам, а *как будто* – по внешним: это лишней раз доказывает релевантность введённого нами противопоставления.

До этого момента мы имели дело только с семантическими сдвигами, не меняющими синтаксических свойств показателей. В то же время и синтаксические свойства показателей могут изменяться.

Синтаксические свойства: показатели сентенциальных актантов

Исходно показатели ряда *как будто* присоединяют сентенциальные сиркостанты. Вводимая ими предикация – не актант главного предиката, а его сиркостант, определяющий чаще всего способ развёртывания

ситуации.

Однако в некоторых случаях свойства показателей изменяются, и они присоединяют актанта основного глагола. Это происходит тогда, когда сам глагол выражает (или может выразить) идею ирреальности ситуации-актанта: например, 'сниться', 'казаться', 'чудиться', 'утверждать' и т.д.:

(33) *Он утверждает, будто Солнце вертится вокруг земли.*

(34) *Мне показалось, как будто я увидел в окно своего знакомого.*

Естественно, все эти предикаты сочетаются и со стандартным средством присоединения актанта – союзом *что*. Часто эти способы синонимичны, но в предложениях типа (33) замена *как будто* на *что* удаляет из семантики смысл недостоверности – говорящий просто констатирует, что утверждение имело место.

Теоретически можно предположить, что *как будто* в этом случае – не союз, а такой же модификатор, как в конструкциях типа *Он нас как будто не видит*. В этом случае сентенциальный актанта присоединяется без помощи союза, как в предложении *Мне показалось, я увидел в окно своего знакомого*. Именно такое решение принято для польского языка в [Stepień 2007]. Но несколько соображений мешают признать связь бессоюзной.

Во-первых, это позиция модификаторов. Для данных единиц вообще нехарактерна начальная позиция (за исключением адмиративного и отчасти заглазного употребления):

(35) **Как будто он нас не видит* (недопустимо в сравнительном употреблении).

Таким образом, в (33) и (34) позиция, соответственно, *будто* и *как будто* в начале клаузы может объясняться только тем, что здесь они являются союзами, для которых эта позиция как раз характерна.

Во-вторых, синтаксические свойства конструкции также не согласуются с таким решением. В ней допустим (хотя и не слишком типичен) разрыв главного предложения придаточным:

(36) *Утверждал, будто земля квадратная, не Вася, а Петя.*

Напомним, что это считается критерием отделения сочинения и подчинения – разрыв возможен только при подчинении:

(37) *Когда Петя пришёл, Вася уже ехал в поезде – Вася, когда Петя пришёл, уже ехал в поезде.*

(38) *Вася уже ехал в поезде, а Петя этого не знал – *Вася, а Петя этого не знал, уже ехал в поезде.*

Бессоюзное соединение в этом аспекте ведёт себя, как сочинение:

(39) **Говорит, он тебя видел, не Петя, а Вася.*

Итак, показатели сравнения действительно являются в случаях типа (36)

показателями сентенциального актанта.

Альтернативной к (34) конструкцией является конструкция «что + будто», рассмотренная ранее в разделе «цитатив».

Необычность конструкций типа (34) заключается в том, что союзы выполняют двойную функцию – маркируют собственно сентенциальный актант и степень реальности выражаемой им ситуации. Вообще в русском языке встречаются и другие подобные случаи – например, при глаголах типа *слышать* конструкции со *что* и *чтобы* различаются именно степенью реальности:

(40) *Я не слышал, что он купил дачу.*

(41) *Я не слышал, чтобы он купил дачу.*

Вероятность того, что дача была куплена, больше в (40), чем в (41).

Для нас важно, что показатели сравнения выступают именно в качестве ирреальных союзов, что лишний раз подтверждает связь сравнения и ирреальности. Источник этих употреблений точно не установлен: с одной стороны, черты союза роднят их с собственно сравнительными, с другой, ирреальная семантика сближает их с цитативным, имперцептивным и другими эвиденциальными употреблениями. Возможно, что в своей эволюции от показателя сирконстанта к показателю актанта союзы прошли этап модификатора, при котором связь между клаузами действительно была бессоюзной. Слабое место этой гипотезы заключается в том, что она не учитывает место показателей в предложении: при эволюции от модификаторов показатели сравнения должны были бы сначала поменять свою позицию с начальной на срединную, а затем – снова на начальную. При прямой эволюции от сравнительного союза постулировать такие сложные изменения не требуется.

Тем самым, у показателей выделяется три типа употреблений: по семантическим критериям среди них выделяются два сравнительных и два модальных, а по синтаксическим – два «союзных» и два, при которых показатели являются частицами, модифицирующими основной предикат:

	Частицы	союз
сравнение	одночастная сравнительная конструкция	двухчастная СК
модальность	эвиденциальные конструкции	сент. актанты

Первичными, вероятно, являются именно двухчастные конструкции (поскольку и союз *как*, и императив со значением условия выступают только в придаточных предложениях). При этом для союза *как* характерно появление именно в сентенциальных сирконстантах, а значит, первично именно сравнительное употребление.

двухчастная конструкция → одночастная конструкция
 (Он вёл себя так, как будто нас не видел) (Он нас как будто не видел)

↓ ↓
 сентенциальные актанты ирреальные и эвиденциальные
 употребления

В отсутствие каких-либо параллелей рассмотренные явления могут показаться уникальным свойством русского языка – как мы покажем в следующей части, это по крайней мере неточно.

Типологические параллели

На настоящий момент мы располагаем данными, в основном, из индоевропейских языков – однако для проверки гипотез мы рассмотрим также арабские и адыгейские сравнительные конструкции⁶.

Прежде всего, насколько распространены специальные показатели сравнения ситуаций? Такими мы будем считать показатели или конструкции, которые не используются для сопоставления предметов.

Практически во всех рассмотренных языках (кроме арабского и адыгейского) такие конструкции есть. В арабском языке используется общий сравнительный союз *ka* в сочетании с союзом *'anna*, обязательно вводящим сентенциальный актант или сирконстант:

(42) istamarr-a ya-qra'-u ka 'anna-hu lam
 ya-ra-ni:
 продолжать-3sg.m 3sg.m-читать-ind как что-3sg.m не
 3sg.m-видеть-1sg

‘Он продолжал читать, как будто не видел меня’.

Арабскую стратегию стоит считать не дифференцированной: по сути, показателем сравнения является просто показатель *ka*, а второй союз обязателен вне зависимости от семантики. Аналогичным образом, в русском мы бы усмотрели общую стратегию, если бы для сравнения ситуаций использовался показатель *как что*.

В адыгейском языке дело обстоит ещё проще: один и тот же показатель *fedew* (конверб от глагола *feden* ‘быть похожим’) используется для сопоставления ситуаций и предметов без дополнительных маркеров.

Гораздо более распространены дифференцированные показатели – обычно в этом случае к показателю сравнения предметов добавляется некоторый специальный показатель, часто обозначающий какой-либо тип ирреальных значений. Например, в болгарском языке в составе показателя *като че ли* используется сравнительный союз *като*, показатель

⁶ В нашей статье мы не затрагиваем материал польского языка, подробно рассмотренный в статьях [Wiemer 2005; 2006].

сентенциального актанта *че* и вопросительная частица *ли*⁷:

- (43) *Боим се от нея, като че ли е смъртоносна болест* ‘Мы боимся её, как будто это смертельная болезнь’.

Аналогичным образом, в немецком показателе *als ob* присутствует частица косвенного вопроса *ob* (впрочем, возможны и другие варианты):

- (44) *Er tut ja so, als ob nichts geschehen wäre* ‘Он так себя ведёт, как будто ничего не случилось’.

Другой способ – добавление условного показателя: во французском, итальянском и английском языках используются показатели, соответственно, *si*, *se* и *if*:

- (45) *Il continue à lire comme s'il n'entendait pas qu'on l'appelle* ‘Он продолжает читать, как будто не слышит, что его зовут’.

- (46) *The baby laughed as if he understood what Mother said* ‘Ребёнок засмеялся, как будто понял, что сказала его мама’.

Как мы уже видели, сравнение ситуаций тесно связано с семантикой условия: часто прототипическим условием для возникновения реальной ситуации является некоторая эталонная.

Переносные, ирреальные и эвиденциальные употребления сравнительных конструкций имеются во всех рассмотренных языках – однако везде они менее разнообразны, чем в русском.

Во французском языке *comme si* имеет адмиративное прочтение:

- (47) *Comme si tu ne le savais pas!* ‘Как будто ты не знаешь!’

Все болгарские показатели также употребляются в значении адмиратива:

- (48) *Сякаш не знаеш, за какво става дума!* ‘Как будто ты не знаешь, о чём идёт речь!’

- (49) *Като че не знаеш, за какво те арестувам!* ‘Как будто ты не знаешь, за что я тебя арестовываю!’

- (50) *Хе-хе, като че ли не знаеш отговора на твоя въпрос!* ‘Ха-ха, как будто ты не знаешь ответа на свой вопрос!’.

Кроме того, в болгарском языке имеются и употребления имперцептивного типа:

- (51) *Вие като че ли имахте надежди за «новото време»*
‘Вы как будто надеялись на «новое время»’

- (52) *Никой като че ли не смееше да изърече конкретните цифри* ‘Никто как будто не смел сказать конкретных цифр’.

Впрочем, мы не располагаем точными данными о семантике употреблений типа (52) и (51) – часть из них могут в действительности быть сравнительными.

---

⁷ Напомним, что вопросительные конструкции, по данным многих языков, могут принадлежать к зоне ирреалиса.

С другой стороны, ни французская, ни болгарская конструкции не имеют цитативного и союзного употреблений:

(53) **Сънуваше, като че ли е цар* ‘Ему снилось, что он цар’;

(54) **Той като че ли е преподавател* ‘Говорят, он преподаватель’.

Напротив, адыгейская и английская конструкции имеют союзное употребление – данными об эвиденциальных и адмиративном прочтениях мы не располагаем:

(55) a. λ a- ν e-m   fedew   š’ə- λ
          умереть-PST-ERG   как.будто   LOC-лежать
          ‘Он лежит, будто мёртвый’ (сравнение)

          b.   tə-de- κ_w ə   fedew   a-ʔ ν e
          1PL.S-LOC-идти   как.будто   3PL.A-говорить
          ‘Говорят, будто мы уезжаем’ (подробнее об

употреблениях *fedew* см. [Беляева 2004]).

(55)   *It seems as if you are the first time here* ‘Кажется, **будто** ты здесь в первый раз’.

Наконец, употребление в значении неуверенности, характерное для русского *как бы*, имеет параллель в немецком языке – пример (56) напоминает русские употребления *чтобы*:

(56)   *Nicht als ob ich unzufrieden wäre* ‘Не то чтобы я был недоволен...’

Итак, сравнительные конструкции в рассмотренных языках в общем и целом обнаруживают те же свойства, что и в русском – как внутренние, структурные, так и семантические. Однако ни в одном из языков мы не обнаруживаем настолько разветвлённой системы употреблений, как в русском. Впрочем, это может объясняться и недостаточностью данных.

Отметим отдельно довольно большую частоту ирреального адмиративного употребления. Казалось бы, оно должно быть маргинально, поскольку изолировано от остальных модальных употреблений. В действительности, как было показано, это употребление наиболее близко к сравнительному – сдвига в степени реальности, характерного для прочих употреблений, не происходит.

С другой стороны, спецификой русского языка является цитативное союзное употребление. Возможно, отсутствие этого употребления в других языках Европы – аргумент в пользу пути к союзному употреблению через модальное, а не напрямую от сравнительного: в этом случае русские показатели просто прошли на один шаг больше в своей грамматикализации.

Заключение

Итак, мы проанализировали модальные и эвиденциальные употребления русских конструкций и их типологические параллели. Конечно, на сегодняшний момент данных для типологического анализа недостаточно, но можно сделать некоторые предварительные выводы.

Как мы показали, и в русском языке, и в проанализированных нами других языках для сравнительных конструкций характерны две группы переносных употреблений: «актантное» ирреальное употребление при глаголах типа ‘казаться’ и собственно модальные и эвиденциальные употребления. Эти два употребления во многом близки между собой: как и собственно сравнительное, они связаны с ирреальными значениями.

Тем самым, важно, что интуитивное представление о близости сравнения ситуации и ирреалиса подтверждается языковым материалом. Все русские показатели (кроме, может быть, *словно*) имеют производные употребления такого рода.

Ценность русского материала в том, что система этих употреблений очень богата и позволяет по-новому увидеть некоторые типы эвиденциальных значений. В частности, ясно, что цитатив – не единое значение, а некоторый тип, в котором выделяются подтипы по семантике и роли в коммуникации.

Интересно, что ни в одном из известных нам языков конструкции сравнения не грамматикализуются в полном смысле этого слова, то есть не становятся несамостоятельными морфемами. Отчасти этапом грамматикализации может считаться союзное употребление: по крайней мере, собственное значение единиц утрачивается, и главными являются синтаксические свойства. В этом смысле в русском языке данные единицы наиболее грамматикализованы.

Русская система позволяет выявить ранее обделённую вниманием зону, близкую к модальной – и даже, возможно, являющуюся её частью.

Тем самым, сравнительные конструкции – важный источник модальных и эвиденциальных употреблений. В ходе эволюции степень реальности ситуации возрастает, однако – и это ещё один важный итог – ситуации становятся более ирреальными в том смысле, что утрачивают привязку к реальности. Для русского языка важно второе.

Заметим, что мы не рассматривали другую сторону вопроса: наличие у эвиденциальных показателей сравнительных употреблений. Несомненно, учитывая всю близость двух семантических зон, мы ожидаем найти и такие, обратные случаи.

Литература

- Беляева, А.В. 2004. *Выражение причины и цели в адыгейском языке*. Экспедиционный отчёт.
- Булыгина, Т.В., Шмелёв, А.Д. 1993. “Гипотеза как мыслительный и

- речевой акт”, *Логический анализ языка: Ментальные действия*, Москва: Индрик, 78-82.
- Грайс, П. 1985. “Логика и речевое общение”, *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 16, 217-237.
- Кузнецова, Ю.Л. 2005. “Дискурсивная функция: эффект присутствия”, *Четвертая международная школа по лингвистической типологии. Материалы лекций и семинаров*, Москва.
- Летучий, А. Б. 2007. “Конструкции сравнения ситуаций с показателями *как бы* и *как будто*”, в печати в *НТИ*, № 9.
- Плунгян, В. А. В печати. “О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие”, *Настоящий сборник. Wiener Slawistischer Almanach*, Vienna.
- Урманчиева, А. Ю. 2004. “Седьмое доказательство реальности ирреалиса”, Ландер, Ю. А., Плунгян, В. А. (ред.), *Исследования по теории грамматики, № 3, Ирреалис и ирреальность*, Москва: Гнозис, 28-74.
- Храковский, В.С. 2004. “О соотношении эвиденциальности и (ад)миративности”, Сай, С. С., Герасимов, Д. В. и др. (ред.), *Первая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы докладов*, Санкт-Петербург: Наука.
- Шведова, Н. Ю. (ред.). 1970. *Академическая грамматика русского языка*, Москва: Наука.
- Bybee, J. 1998. “‘Irrealis’ as a Grammatical Category”, *Symposium on Irrealis. Anthropological Linguistics*, Vol. 40, № 2, 257-271.
- Kastler L. 2004. La particule “*kak by*”: comment expliquer son usage excessif, *Essais sur le discours de l’Europe éclatée*, № 20, 73-81.
- Levin-Steinmann, A. 2004. *Die Legende von dem Bulgarischem Renarrativ*, München: Verlag Otto Sagner.
- Stępień, M. 2008. “O wzajemnym przenikaniu modalności i ewidencjalności na przykładzie wybranych czasowników i wyrażeń funkcyjnych”, *Настоящий сборник. Wiener Slawistischer Almanach*, Vienna.
- Wiemer, B. 2005. Conceptual affinities and diachronic relationships between epistemic, inferential and quotative functions (preliminary observations on lexical markers in Russian, Polish and Lithuanian), Hansen, B., Karlík, P. (eds.), *Modality in Slavonic Languages. New Perspectives*, München: Verlag Otto Sagner.
- Wiemer, B. 2006. “Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions and as evidentiality markers in contemporary Polish (A first exploratory study)”. *Studies in Polish Linguistics* 3, 5-67.